

“Потом покаюсь”, Об остановках на пути к Богу

Епископ Григорий (Лебедев)

Братия! Сегодня снова чудо веры. Возвращение Господом нашей мысли к делу веры так понятно – уж очень значительно это дело и всеобъемлюще.

Чудо со слепыми, исцеление Господом двух слепых. Была ли здесь, в обращении ко Христу слепцов, та вера-сила, которой научаемся мы из истории капернаумского сотника? Был ли здесь отрыв от греха и осуждение неправды? Был ли

здесь порыв к Богу? Были, были! Вот это было.

Знаменательно само обращение слепых ко Христу: “Помилуй нас, Иисус, Сын Давидов!” (Мф. 9,27). Они не просят о здоровье, о зрении. Они просят помиловать их. Помилования просит тот, кто сознает свою ошибку и вину. Слепые, очевидно, отворачиваются от своей неправды, осуждают ее и ищут оправдания. Они ищут оправдания не

по своим заслугам – их нет. Какие заслуги человеческого нищенства? Оправдания только милостью Бога: “Помилуй нас, Иисус...”

Слепые исповедуют, что Божия сила даст им эту милость, к которой они стремятся. Господь спрашивает их: “Веруете ли, что Я могу это сделать?”, и они отвечают Ему: “Ей, Господи!” (Мф. 9,28). Ясно, что вера и здесь налицо. Та вера, на которую откликается Бог. Не без основания же Господь откликнулся на просьбу слепых, совершил их исцеление (Мф. 9,29-30), и открылись глаза их.

В этом рассказе о вере слепых и их исцелении проясняется евангелистом не сам факт веры, а особенная черта обнаружения веры. Эта черта – настойчивость до упорства в обнаружении веры, неотступность, постоянство в ее обращенности к Богу.

Не напрасно, совсем не напрасно святой евангелист выдвигает эту особенность веры слепых. Перед нами люди, лишенные зрения, скованные слепотой, люди с ограниченным кругом жизненных восприятий и жизненных действий. Они не свободны в выборе пути, они беспомощны на дороге, куда поставлены. Их жизненные процессы урезаны: ни свободно пойти, ни посмотреть, ни сделать, что хотелось бы. Пред ними только узкая тропа, да и на ней почти полная беспомощность. Весь мир – одна непроглядная тьма. Лишь один кусочек света и жизни бьется для них – собственная мысль и свое волнующееся сердце. В них вобралась вся жизнь...

И вот в этих урезанных полужизнях развивается какой-то непостижимый смерч. Как будто невидящие глаза захватились какой-то лучезарной точкой, и человеческая ограниченность забыта. Узость жизни отброшена, тропинка расширилась в необъятность, кусочек света раскрылся в беспредельность. Блеснувшая светлая точка разбудила стихию. И она, всколыхнувшись, перешла в захватный смерч. Кончилась узость жизни, кончилась слепота – слепые опередили зрячих.

Так случилось со слепыми Евангелия. Светлой точкой, разбудившей глохнувшую урезанную жизнь, был Христос. Всколыхнулась стихия веры, запылала вера. Она оторвала от пленности землей и понесла. И слепых не стало: “Когда Иисус шел оттуда (по исцелении дочери Иаира), за Ним следовали двое слепых” (Мф. 9,27). Одно спокойное слово Евангелия рассказывает, как забились огненная жизнь: “за Ним следовали”... И какой вихрь силы скрыт за этим бесстрастным эпическим спокойствием!

В переливчатой волне народа, следующего за Учителем-Чудотворцем, – волнение моря. Толпа то прильнет, то отхлынет. Ревность восторга, воспламеняемость природы, суета любопытства колышат людские волны, и они, нестройные, мятежные, гулко заливают дорогу беспорядочным, теснящим движением.

И в этой капризной стихии – две беспомощные, урезанные жизни, ничего не видящие: ни камня под ногами, ни встречного дерева, ни ложбинки пути. Две беспомощные

жизни, натыкающиеся, падающие, мешающие другим, и в свою очередь – теснимые, заталкиваемые, отбрасываемые. Толпа тоже не видит, толпа не разбирает. Так не момент, не мгновение, не минуты встречи, прохода. Так долгие, долгие минуты, быть может, часы. Так все время следования в беспокойной толпе.

Они, эти две урезанные жизни, идут, идут – они “следовали за Ним” неотступно. Как замороженные, как захваченные своим внутренним вихрем, не замечающие ничего, как поднявшиеся над жизнью. Они видят. О да, теперь они видят! Сияние жизни... Они осязают ее дыхание и влекутся к Нему, сбросив свою ограниченную слепоту. Они влекутся упорно, не считаясь с препонами, не зная усталости, не щадя себя, презрев свою человеческую ограниченность. Влекутся, презрев толчки, людское ворчанье, ушибы и свое изнеможение.

Они оторвались от своей земной неправды, ими движет вихрь, влекущий в правду и силу Бога. И в напряженном порыве веры слепцы стали как безумные. Они следовали,

следовали за Ним и “кричали”, добавляет евангелист. Вдохновение веры опрокинуло человеческое.

Слепцы – это забитые жизнью люди, обездоленные из-за своей земной ограниченности и своей зависимости от окружающего. Люди, чаще всего – смиренные, тихие, незаметные и робкие, они не хотят считаться даже с толпой. Они “кричат”, чтобы перебороть давящую толпу и пробиться к Силе, которая одна только им и нужна. Очевидно, их крик был неугомонным – “следовали и кричали”, говорит евангелист.

Порыв веры слепых и их вопли не останавливают ни длительность дороги, ни естественная утомительность крика, ни возможные оговорки окружающих (как было с иерихонскими слепыми). И наконец – верх дерзости! Слепые не только не угомонились, не только не обессилели, не только не в унынии, что их вопли не достигают цели и Христос по-прежнему недоступен для них. Они, оказывается, удешевляют усилия и опережают зрячих.

Христос в доме... Быть может, Он хочет отдохнуть от народа и укрыться от него, а слепцы обгоняют толпу, втискиваются в дверь; они – у Христа, рядом с Ним. Теперь-то Он услышит их. Настойчивость до упорства победила. “Они приступили к Нему”, – записывает евангелист. Они стали лицом к Лицу с Господом.

Господь требует обнаружения веры и спрашивает подошедших: “Веруете ли, что Я могу это сделать?” Слепые от-

вечают Ему: “Ей, Господи!” (Мф. 9,28). Вера оправдывается и Божественная сила подается. Слепые включаются в стихию Духа и Бога. Очищается внутреннее зрение души и открываются глаза тела. Чудо совершается... Да, братия, евангельский рассказ об исцелении Господом слепых открывает нам новую черту, присущую природе веры как силы, – ее постоянство, неуклонность ее дерзания.

Размыслим, почему постоянство, открываемое сегодня Божиим словом, должно быть в нашей вере? Если вера есть признание ограниченности, слабости человеческой природы и искание силы вне себя, если вера должна быть отрывом от человеческой бедности и погружением себя в потоки могучего, сверхземного, то не ясно ли, что вера как определенное душевное состояние, как отрыв и погружение, должна быть постоянной. Как только они (отрыв и погружение) исчезают, так исчезает и это душевное состояние, т.е. исчезает самая вера как уход в Божие.

Совершенно ясно, что если в обнаружение веры мы введем непостоянство, если следование вере будем рассматривать как перемежающееся душевное состояние, когда отрыв от земного и искание Бога чередуется с отдыхом и возвращением к земному, то мы тем самым также уничтожаем самую веру. Всякий мнимый отдых, всякие возвращения в земную ограниченность не являются ли новым погружением в то, от чего мы только что оторвались в порыве веры? Не показывает ли такое погружение, что мы отбрасываем от себя сверхземное, так как оно

мешает нам, выходим из него и снова бросаемся на землю.

Тогда замирает, конечно, порыв, истребляется Божие, и опять в душе водворяется земля, т.е. душа возвращается к своему исходному состоянию. Лежание на земле и есть безверие, потому что вера, как мы знаем, есть отрыв и осуждение земли и уход в небо. Всякое отступление в порыве или – что то же – отступление в вере, измена постоянству веры, ведет за собой истребление веры.

Человеку и человеческой душе надо выбирать что-то одно. Если она довольствуется землей, то пусть в земном и остается. Если она осудила бедность земли, осудила честно и оторвалась от нее, то надо уйти от своего бессилия без оглядки, искать опоры в Божием и завоевывать Божие верой, т.е. уходом в мир Бога.

Всякое иное состояние, когда происходит то отрыв от человеческой слабости и порыв в мир Бога, то новое возвращение в слабость, всегда будет истреблением мира Бога, потому что всякое возвращение к земле равносильно вытеснению из души Бога, так как земля и Бог – это две несовместимые стихии, и принятие одной из них исключает другую. Почему и сказал Господь: “Всякий, делающий грех, есть раб греха” (Ин. 8,34), т.е. согрешающий погружается в стихию греха и зла и делается данником (рабом) этой стихии, и не может быть одновременно носителем света и членом мира Бога.

Сама природа веры как ухода от человеческой немощности и греха предполагает постоянное осуждение своего нищенства и постоянный отрыв от него. Иначе какая же это вера, когда человек ежечасно или ежеминутно, вслед за порывом утвердиться в Боге, снова и снова возвращается к земле и истребляет в себе малейшее дуновение Божия мира? Это – обманная вера и обманное осуждение себя, обманный уход от себя к Богу. В действительности в человеке остается прежняя опора на привычное земное и предание себя греховной сладости.

Есть еще одна сторона необходимости постоянства в вере. Она касается ухода души, осудившей землю, в мир Бога. Может ли быть отсрочен этот уход в мир Бога? Или может ли он совершаться с промежутками, чтобы дать человеку возможность отдыха, т.е. возможно ли душе, оторвавшейся от греха, делать отдых при восхождении к Богу и в

такие периоды не ниспадать в грех, а оставаться в стихии Бога? Возможны ли перерывы, непостоянство при восхождении к Богу?

Нет и нет! Не может быть отсрочки при вступлении на путь Бога после ухода от греха и не может быть интервалов в следовании по этому пути. Душевная жизнь целостна. В ней не может быть незаполненности, и, если человек действительно вырывает из себя немощное, то он сейчас же должен вводить в себя “сильное”, Божие. Душа не терпит пустоты. Если, оторвавшись от зла, человек не позаботится тотчас же заполнить душу Божиим, то при душевной пустоте рецидив зла, возвращение зла будет более сильным, чем прежнее состояние во зле.

Именно о таком состоянии душевной прострации сказано Господом поразительное слово: “Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого” (Лк. 11,24-26).

Введя Божие, человек не может допустить отдыха и успокоиться, ибо жизнь души есть движение. Душа все время находится в движении: она или развивается и растет, или идет к своему упадку. Какой-то стабилизации добра при последующем отдыхе души нет! Если стал укреплять душу, так и укрепляй, возвращивай, умножай, собирай ее бо-

гатство. Едва остановился, и душа может двинуться вниз, почему и сказано Господом: “Кто не собирает со Мной, тот расточает”.

Таково психологическое обоснование постоянства веры, как бы ее упорства, с отказом от обанкротившегося человеческого, при стремлении получить новую силу от Бога.

Братия, поглубже запечатлейте в себе евангельский рассказ об исцелении Господом слепых и заложите в душе новую, углубленную опору для спасающей веры-силы. Требуйте теперь от себя, чтобы непременно свойством вашей живой веры было ее постоянство. Усвойте это неизгладимо. Разве мы не слепые? Но мы, конечно, хотим быть зрячими. О, как хотим быть зрячими! Хотим до болезненной скорби: “Ей, Господи! Хочу прозреть!”

И мы готовы идти за Христом, а иногда и идем, молим Его о прозрении и становимся на дорогу прозревших слепых. Но мы забываем путь слепых. Где наше неотступное следование за Христом? Где упорство отказа от себя и ухода от себя? Где непрерывное приближение к Богу?

Мы видели у слепых полную устремленность и видели, что настойчивость их веры не знает препятствий. Препятствия как будто даже крепят их веру и умножают усилия. “Помилуй” не сходит с их уст. Оно становится криком. Расстояние до Бога укорачивается, а напряженность не ослабевает. Наконец, Бог рядом, и обращение к Нему

услышано. Темная узкая тропка у бредущих слепых перешла в необъятный простор бытия рядом с Богом.

У нас картина иная. Толкаемые разумом, сердцем и всей несуразностью своей обнаженной жизни без Бога, задыхающиеся в своей слепой безвыходности, мы делаем попытку стать на путь Бога, чуть-чуть приоткрываем глаза, а потом, через мгновенье, опять погружаемся в слепоту. Собьемся с пути, разобьемся о грех, нанесем себе глубокие раны, опомнимся на мгновенье, а затем опять, опять отступаем в безпросветность земли и еще более разбиваемся во тьме греха. И так без конца, без конца! Какой-то роковой круг из попыток открыть глаза и новых погружений во тьму.

Если некогда постоянство и настойчивость в вере выводили слепых в безграничное соединение с Богом, то мы, наоборот, из этой необъятности уходим в ограниченность, забиваемся в щель греха и из простора жизни в Боге уходим на узкую, мрачную и смрадную тропку гниения.

Наша вера при этом бесплодна. Бога нет и чуда нет! Вера гаснет, вера истребляется... Нет веры. Истребляется вера – и не может быть с нами Бога! Отсутствие упорства, настойчивости, постоянства в вере истребляет самую веру. У нас же нет постоянства. В нас – бесплодные метания туда-сюда.

Приглядитесь к наиболее типичным среди нас обнаружениям веры.

Нам опротивела собственная ограниченность и опротивел, стал невыносим пленяющий нас грех. Мы довольно пострадали от бесконечных падений и робко порвали с порабощающим грехом, сделали шаг в сторону Бога, один шаг. Немного молитвы, немного бодрости, немного желания стать лучше в поступках. Один шаг...

А потом нам уже скучно. Бог осязательно не пришел. Если нет захватывающих внешних впечатлений и нового толчка для ума и сердца, то мы сдаемся, апатично озираемся кругом, склонные мириться с каким угодно компромиссом. Осуждение греха забыто! Отрыва от него не чувствуется. Грех снова у ворот сердца и в каждый момент может стать хозяином жизни. Где же постоянство веры, отрывающей от зла и толкающей нас в свет Бога?

Бывает, что мы сделаем два шага вперед, решительно порвем со злом, и с увлечением будем служить Богу неделю и месяц. А потом придет как бы усталость – захочется сойти с высоты, спуститься вниз и отдохнуть. Погружение в земное кажется таким необходимо нужным и успокоительно заманчивым, что обойтись без него невозможно.

И мы позволим себе отдохнуть, отдохнуть с уступкой земному. Конечно, за эту уступку очень скоро приходит горькая расплата, потому что всякая уступка есть измена вере и истребление веры, как выбрасывание из себя неба и погружение в землю. В таком душевном состоянии, как будто поначалу и возвышенном, вера хромает и не способна непрерывно вести к Богу, ибо нет в нем обязательного пространства веры.

Или бывает, – это более типичное состояние, – что человек, не задаваясь большими задачами, желает ровненько жить по-Божиему, как это возможно, по его мнению, на земле. Он отчетливо представляет грех как свое зло, изолирует себя от греха и как бы тихо бредет по Божиему пути. Но пройдет день, два и приходит господин души – грех – и властно командует ею. Бедный человек почти без сопротивления оставляет Божие и влечется как раб, скованный цепью. Это хилая, непостоянная вера с поверхностным осуждением греха и поверхностным отрывом от него, и потому быстро ускользает Божие – зло водворяется в душе как законный распорядитель жизни.

Наконец, есть еще одно состояние веры – самое обыденное и самое распространенное. Вере мы отводим свое место в жизни, а рассудку и знанию – свое. Вера у нас как бы заведует всем Божиим, всем, что касается религии и Церкви: пойти в храм, дома помолиться, принять таинства, потолковать о возвышенном, Божием... А во всем прочем, в жизни в целом, люди живут, руководствуясь

своими чувствами и рассудком. Тут нет не только постоянства веры, тут вообще никакой веры нет! Нет никакого Божиего пути, а лишь постоянство слепоты, безнадежная слепота.

Таковы обнаружения веры без плода. Это немощная бессильная вера и за ней не приходит Бог.

Братия, теперь сделайте последний вывод. Если вы увидели в себе одно из названных состояний веры, то уразумейте, чего не хватает вам. В этом выводе вас, зрячих, пусть поведут слепые. Не постыдитесь двинуться за слепыми! Это – верная дорога, которая привела к Богу. На ней не отстаньте от слепых! Переймите от них бурную устремленность, настойчивость, упорство и постоянство веры.

Уж если вы отпустили грех, то, подобно евангельским слепым, осудите его навсегда, без остатка. Если вы оторвались от него – так без возврата. Если ринулись к Богу – так без оглядки назад, без измены душе, небу, Богу. Без возврата ко греху. Стремитесь вперед и вперед! Бегите и кричите: “Помилуй, помилуй...”

Вперед и ввысь! Вместо брошенного – новое, чтобы душа наполнялась им, И новое придет. Божие придет, потому что путь постоянства поставит вас пред Богом.

Тогда скажите Ему со слепыми: “Ей, Господи, хочу прозреть”. И будет вам по вере вашей – прозрение в стихии Бога. Ничто уже не оторвет вас, прозревших, от радости

жизни блаженных, видящих Бога, которой да сподобимся
ныне и вовеки. Аминь.

Епископ Шлиссельбургский

Григорий (Лебедев)

